

Текст · 22 октября 2019, 19:34

«У всех на глазах я перерезал себе руки. Почему я решил так поступить?». Письмо обвиняемого по делу «Нового величия» Вячеслава Крюкова

17 октября 2019 года в зале заседания Люблинского суда, находясь в «аквариуме», у всех на глазах я перерезал себе руки. Почему я решил так поступить? Потому что уже не могу никак иначе.

Я сильно устал, мне тяжело физически и морально незаслуженно сидеть в тюрьме. Я пролил свою кровь, потому что считаю несправедливым держать невинных людей за решеткой. И кто бы что ни говорил — я ничуть не жалею. И не прошу жалеть меня.

Более половины фигурантов дела «Нового величия» находятся на свободе, тогда как я и несколько других ребят по делу ее лишены. И все это при том, что у всех фигурантов «Нового величия» слово в слово предъявлено одинаковое обвинение, по одним и тем же статьям. Когда-то общественность серьезно боролась и раскручивала девочек (Аню Павликову и Машу Дубовик), их в свое время отпустили из-под стражи.

Про остальных же почти забыли, на том весь пыл остыл, движение за освобождение всех остальных стало не таким широким и масштабным. Мы — Крюков, Костыленков, Карамзин, Полетаев — до сих

пор остаемся за решеткой. Но разве мы в чем-то более виноваты, чем они? Или, может, все дело в том, что мы оказались не «молоденькими девочками», раз такой ажиотаж был именно за это?

Все наше дело — это какой-то цирк, и все это видят и понимают. Многие приходят посмотреть, смеются, улыбаются, им весело. Причем почти всем, начиная от обычных зрителей и заканчивая самим судьей. Но почему тогда мы должны находиться в ужаснейших тюремных условиях? Мы не преступники и не заслужили это. Сколько еще будет продолжаться это издевательство над нами?

Уверен, что судья Люблинского районного суда [Александр] Маслов все прекрасно понимает. Он имеет полное право в любой момент прекратить этот беспредел или хотя бы выпустить нас из СИЗО, но все равно не делает этого. Потому что он типичный системный судья, такой же, как и подавляющее большинство судей в Российской Федерации, которые привыкли работать по указке. Особенно в политических делах, когда решения приходят сверху, а не принимаются независимо самим судьей по его личным ощущениям и убеждениям (как должно быть на самом деле).

В очередной раз 17 октября 2019 года наш уважаемый судья доказал это, безосновательно и без толики сомнения отклонив ходатайство подсудимых об изменении меры пресечения.

В знак протеста я, что называется, «вскрылся». Поднялся шум, началась паника. Меня и Руслана Костыленкова, который тоже порезался, мгновенно

вывели из «аквариума». Спускаясь по ступенькам, идя по коридорам, крови вытекло немало, она капала непрерывно.

Приведя нас в помещение для обысков, конвоиры пытались оказать нам первую помощь, но ни бинтов, ни жгутов, ни каких-либо других средств у них под руками не оказалось. Сами конвоиры от всего случившегося были в шоке, некоторые из них чуть не упали в обморок.

Почти сразу съехалось все, как они сами выражались, высшее начальство. Скорая же приехала не так быстро, скорая приехала позднее всех. Фельдшеры оказали более квалифицированную помощь, все обработали, перевязали и остановили кровь. Через некоторое время нас госпитализировали: Костыленкова в 36-ю больницу, меня в НИИ Склифосовского.

В «склифе» мои руки стали зашивать. Жуткое зрелище. Раны были длинными, глубокими и широкими. Врач, осуществлявший операцию, вспоминая подобные примеры из своей практики, сочувственно сказал, что такого давно не видел и [эти шрамы] останутся, скорее всего, у меня на всю жизнь.

Несмотря на мое тяжелое состояние, полицейский конвой требовали меня выписать, ссылаясь на то, что у них есть высокое распоряжение начальства. Но у врачей было свое начальство, они отстояли меня, сказав, что я пробуду в больнице минимум до следующего утра. Меня доставили в палату, приковали наручниками к кровати, и надзирать за мной стали три сотрудника полиции одновременно,

не смея отходить даже ни на шаг. Их возмущению не было предела, они жаловались на свою судьбу, на то, как им не повезло остаться на всю ночь здесь в таких условиях.

Пройдя все необходимые процедуры и немного отдохнув, после полудня 18 октября я прибыл обратно в СИЗО. Сокамерники заметили, что когда я приехал, то был очень бледный, не такой, какой уезжал. Видимо, я потерял много крови. По моим оценкам, видя, как быстро и много ее уходило, это примерно литр-полтора.

19 октября меня вызвали на беседу к психологу, которая сообщила, что меня поставили на профучет за «склонность к суициду». После этого разговора мне сказали собираться с вещами в другую камеру. В данный момент, описывая все это, у меня сильно болят руки, писать мне удается с трудом. До сих пор я прихожу в себя, чувствуя огромную усталость всего организма.

Люди могут по-разному оценивать наши действия, но я считаю, что это было необходимо. Если правды нельзя добиться обычными способами, то приходится идти даже на такие отчаянные меры. В настоящее время все суды и СИЗО Москвы во много раз усилили обыски заключенных при транспортировке в суд. Местами все это доходит до крайнего абсурда.

Слух о нашем инциденте очень быстро распространился по всем местам лишения свободы Москвы, тем самым настроив многих заключенных против нас. А также непосредственно сопровождающий нас полицейский конвой и сотрудников, проводящих обыск в СИЗО.

Но ни к кому из них мы не имеем никаких претензий и приносим свои извинения. Не нужно их в чем-то обвинять, многие из них всегда нормально относились к нам. Они же, в конце концов, не роботы, они не могут все предусмотреть.

А теперь вообще непонятно, что с нами будет дальше... Возможно, на нас будет оказываться разного рода давление и страдать, соответственно, мы станем еще больше. Тяжело. Но лично я готов и постараюсь выдержать все испытания. Еще раз хотел бы отметить: наши действия на суде были направлены исключительно против судебного произвола — это величайшая проблема, справиться с которой мы сможем лишь все вместе.

Я прошу общественность помочь нам и объединиться против этого произвола. Свободу!

Дело «Нового величия»

Участников движения «Новое величие» — Марию Дубовик, Анну Павликову, Вячеслава Крюкова, Руслана Костыленкова, Сергея Гаврилова, Петра Карамзина, Максима Рощина, Дмитрия Полетаева, Павла Ребровского и Рустама Рустамова — задержали 15 марта 2018 года, перед президентскими выборами. Молодых людей из Москвы и Подмосковья обвинили в создании экстремистского сообщества и участии в нем (части 1,2 статьи 282.1 УК).

По версии следствия, целью движения было «безальтернативное участие в народных восстаниях, революционных действиях, в

столкновении с представителями действующего в России режима». Для этого активисты устроили несколько поездок за город для тренировок по стрельбе и метанию «коктейлей Молотова», считают следователи.

В основу обвинения легли показания информатора Руслана Д., который во время офлайн-встреч активистов, познакомившихся в телеграм-чатах, предложил им создать политическую организацию и написать устав.

В деле есть показания еще двух свидетелей, которые также оказались осведомителями.

Руслан Костыленков, которого следствие называет лидером «Нового величия», рассказывал о пытках после задержания.

Шестерых активистов, включая Павликову и Дубовик, суд отправил в СИЗО, остальных — под домашний арест. В изоляторе у девушек начались проблемы со здоровьем, защита неоднократно просила избрать им другую меру пресечения.

После московского «Марша матерей», участники которого требовали освободить из СИЗО Дубовик и Павликову, их перевели под домашний арест.

Судьям Дорогомиловского районного суда Москвы, которые арестовывали фигурантов дела «Нового величия» и продлевали им меру пресечения, поступали письма с угрозами. Из-за этого им предоставили государственную защиту.

Павел Ребровский и Рустам Рустамов заключили досудебное соглашение, их дела суд рассмотрел в особом порядке. Ребровский получил 2,5 года заключения, а Рустамов — два года колонии - условно. Позже Ребровский отказался от своих

показаний, прокуратура попросила отменить его приговор.